

Какой послушный

Усадьбу и вправду можно было украсть.

Частное имение Цзян Шуня, притаившееся в неприметной ложине на окраине столицы, скрывало за своим скромным фасадом настоящий рай: живописные виды, уединённые уголки и, что самое важное, бьющие прямо из-под земли термальные источники.

В этих целебных водах заключалось главное достоинство поместья, но в них же крылась и его погибель.

В нынешней династии подземные жилы почитались за «драконьи». Каждый такой источник считался достоянием короны и должен был беспрепятственно направляться в императорский дворец, питая величие самодержца, чья власть была дарована самими небесами.

Каким бы могущественным ни был Цзян Шунь, как бы высоко он ни возносился над толпой, будучи «одним лишь ниже императора, но выше десяти тысяч подданных», он не смел переступить эту черту. Подозрительный нрав нынешнего государя не оставил бы ему шанса — узнай император, что глава евнухов тайно присвоил себе «драконью жилу», Цзян Шунь лишился бы далеко не только своей чиновничьей шапки.

В итоге поместье превратилось в чемодан без ручки: бросить жалко, а владеть — смертельно опасно.

Цзян Шунь прятал его ото всех и сам не решался там бывать. Купчую и ключи он держал в самом укромном и, как ему казалось, надёжном месте.

***

Ци Цзю выслушал «спойлеры» Системы.

«Где спрятано?»

[Два дня назад Юй Юнъян стащил для тебя керамическую подушку с узором из чёрных цветов лотоса] — отозвалась Система. — [Ты полежал на ней с четверть часа, счёл слишком жёсткой и велел выбросить]

Ци Цзю: «...»

[Юй Юньлян её подобрал] — добавила Система. — [Твой маленький евнух весьма бережлив. Он решил, что подушка пригодится, чтобы подкладывать тебе под ноги]

С этой точки зрения Юй Юньлян в прошлой жизни и впрямь ничего не упускал.

Если «маленький евнух Юй» продолжит и дальше так обворовывать Сылицзянь Чжанъинь Тайцзяня, всесильный Цзян Шунь не продержится и года — пойдёт по миру с сумой.

[Место неплохое, горячие источники пойдут тебе на пользу] — Система сверилась с настройками и хотела было углубиться в детали, но её отвлек шум вдали. — [...К твоему разрушенному поместью кто-то пожаловал]

Ци Цзю сложил ладонь козырьком, наблюдая за суматохой через дорогу:

«Цзиньвэй и Патрульный батальон»

В этой стране распределение полномочий было делом запутанным. За порядок в столице отвечали сразу пять ведомств: днём — Бинмасы, ночью — Сюньбуин, а Цзиньвэй дежурили посменно утром и вечером. К ним добавлялись патрульные цензоры и пожарный патруль.

Взрыв в его поместье прогремел так, что содрогнулась земля. Пока прибыли лишь те, кто был ближе всех, — Патрульный батальон и Стража в парчовых одеждах. Когда же примчится перепуганный до смерти цензор, начнётся настоящий хаос.

Как ни крути, покушение было совершено на наследного принца — пусть и свергнутого, пусть измождённого болезнью и обречённого на скорую смерть от яда.

Дело предстояло нешуточное. Завтра на утренней аудиенции император узнает о случившемся, и трудно было представить, в какой гнев он придёт. Как он будет поносить этих безмозглых ничтожеств!

Покушение без тени изящества, поднявшее на ноги всю столицу... Лицо правящего дома было окончательно потеряно, а всем пяти охранным ведомствам теперь не миновать наказания — будут бить челом, замаливая вину, и лишатся годового жалованья.

Неудивительно, что в прошлой жизни, когда умер император и пал Шэнь Гэ, Юй Юньлян подмял под себя весь двор без малейшего сопротивления.

[Эти люди прихватили инструменты. Скорее всего, собираются выковыривать тебя из-под обломков... О, кто-то идёт] — вовремя предупредила Система. — [Спрячь лицо]

Ци Цзю послушно откинулся в тень и нарочно растрепал полы верхней одежды, притворяясь

пьянчужкой, заночевавшим прямо на улице.

После взрыва он и так выглядел не лучшим образом: одежда в лохмотьях, кожа в пыли и копоти. В таком виде он, лениво развалившийся под деревом, ни у кого не вызывал подозрений.

Мимо с грохотом промчался отряд ополченцев с кирками и факелами. Они били в медные доски, спеша к руинам, и даже не посмотрели в сторону «нищего», который, прислонившись к стволу всего в квартале от пожарища, с интересом наблюдал за зрелищем.

Никто не заметил, как в хвосте этой толпы одна фигура бесшумно отделилась и нырнула в ту же самую тень.

— Ваше Высочество, — Юй Юньлян припал к холодным кирпичам мостовой, крепко обнимая неподвижного Ци Цзю. — Ваше Высочество.

Он боялся не приложить достаточно сил, но ещё больше боялся сдавить слишком крепко. Осторожно приподняв Ци Цзю, он устроил его голову у себя на плече.

— Живой я, — Ци Цзю открыл глаза и прошептал: — Карету добыл?

Юй Юньлян кивнул и так же тихо спросил:

— Встать сможешь?

Ци Цзю попробовал приподняться несколько раз, затем со вздохом усмехнулся и покачал головой:

— Ноги не держат... Тащи меня так.

Юй Юньлян замер, сдерживая дыхание, а затем обхватил Ци Цзю, подыскивая оправдание его слабости:

— Это всё ночная сырость... Здесь слишком холодно, вам не вынести такого.

Ци Цзю положил ладонь на напряжённое предплечье юноши и слегка похлопал, призывая расслабиться.

Юй Юньлян промолчал, плотно укутал его в тяжёлый плащ, проверяя, чтобы нигде не поддувало, и, стиснув зубы, потащил за угол.

Карета ждала в переулке неподалёку. На вид она была на редкость внушительной и просторной.

— Где взял? — спросил Ци Цзю и тут же сам ответил: — Ах да, у Цзян Шуня.

Эти слова заставили бледное лицо юноши дрогнуть в подобии улыбки. Юй Юньлян покачал головой и прошептал:

— Нет.

Ци Цзю искренне удивился:

— Не его?

— Нет, — повторил Юй Юньлян. — Кареты Цзян Шуня плохие. Они недостойны Вашего Высочества.

Те кареты были уродливыми и тряскими, Юй Юньлян презирал их всем сердцем. Он уже давно втайне подпилит оси на их колёсах — стоило кучеру прибавить ходу, и повозка развалилась бы на куски.

Эту же карету он позаимствовал в Командовании пяти армий. Их главнокомандующие совершили столько подлостей, что до смерти боялись призраков. Юй Юньляну хватило четверти часа: он скрыл лицо и зажёл фосфорные огни. Перепуганные вельможи с воплями и слезами сами отдали ему ключи.

...Обо всех этих грязных делишках Ци Цзю знать не стоило.

Юй Юньлян не стал вдаваться в подробности. Собрав все свои силы, он помог Ци Цзю забраться внутрь и уложил его на мягкие соболиные шкуры среди шёлковых подушек.

Ци Цзю улыбнулся:

— Вот это я понимаю — комфорт.

На этот раз «маленький евнух» остался доволен похвалой. Он зажёл в карете фонарь, и его ледяное лицо смягчилось.

— Вы устали. Поспите немного.

Он сел на козлы. Путь до окраины был не ближним, и чтобы езда оставалась плавной,

требовалось не меньше часа.

Ци Цзю действительно вымотался. Удержание «глобального обзора» само по себе требовало колоссальных затрат энергии, а это тело, едва оправившееся от очередного приступа яда, было слишком слабым.

Ещё с недавнего момента его сознание начало опасно мерцать, словно «буферная зона» пыталась вытолкнуть его наружу.

Юй Юньлян наклонился к нему, помогая устроиться поудобнее:

— Так хорошо?

— Прекрасно, — Ци Цзю огляделся вокруг, что-то обдумывая. — Не хватает лишь последней детали.

Юй Юньлян замер в ожидании приказа, не сводя с него пристального взгляда чёрных глаз.

Ци Цзю достал из рукава сплетённое из ивовых веток кольцо и вложил ему в ладонь:

— Ешь как следует. Тебе нужно подрасти.

Юй Юньлян застыл, глядя на подарок. Его рука не шевелилась.

...На этот раз он не стал возвращать вещь.

Юй Юньлян спрятал кольцо за пазуху, поближе к сердцу, и тихо произнёс:

— Я маленького роста, не могу нести Ваше Высочество на спине... Вы меня презираете.

Ци Цзю заложил руки за голову:

— Есть немного.

Он ответил совершенно серьёзно, но юноша уже научился распознавать его шутки. Юй Юньлян искренне, по-настоящему улыбнулся и торжественно пообещал:

— Хорошо. С завтрашнего дня я буду съедать по три чашки риса и по цзиню мяса за каждый приём пищи. Я быстро вырасту.

В прошлой жизни он почти не следил за едой, выживая как придётся, но всё равно вытянулся, хоть и остался худощавым. Теперь же, когда ему было семнадцать, он собирался взяться за дело всерьёз: мясо, рис и ежедневные упражнения с тяжёлыми жерновами. Он не верил, что не сможет обрести рост и силу.

Такой ответ вполне удовлетворил «свергнутого принца». Ци Цзю закрыл глаза, кивнул, слегка коснулся его руки и замолчал.

Юй Юньлян сжал его ладонь, пару раз тихо позвал: «Ваше Высочество», но не получил ответа.

Тогда он затих. Тень расслабленности исчезла с его лица, сменившись привычной бесстрастной маской.

Юй Юньлян низко склонился, тщательно поправил меховое одеяло и вернулся на козлы, подбирая вожжи.

Карета катилась неспешно и ровно. Спустя час она скрылась в тени лощины, заросшей густыми ивами.

***

Патрульный батальон, Цзиньивэй, пожарный патруль и ополченцы к утру перевернули руины поместья вверх дном.

Патрульный цензор, едва держась на ногах, опирался на помощника. В руках он сжимал прошение об отставке, а его тело сотрясала крупная дрожь.

— ...До сих пор не нашли?

— Никак нет, — доложил запыхлённый офицер. — Возможно... возможно, его разорвало в клочья или сожгло дотла.

Усадьба обрушилась почти полностью. После такого мощного взрыва у любого, кто находился в спальне, не оставалось ни единого шанса.

А что до тех, кто был снаружи... Многие видели, как наследный принц накануне посещал лекаря. Старый врач подробно описал, насколько тяжёл был недуг и как свирепствовал яд. Прошло всего два дня — какое дело могло заставить Шэнь Гэ подняться с постели и покинуть дом?

Цензор едва не лишился чувств.

— Копайте дальше... До самого основания!

— Живым или мёртвым, он должен быть найден! — взорвался он. — Даже если его разнесло на куски, найдите хоть кости! Каждую щепку просейте!

Люди, изнывая от усталости, вернулись к работе. Никто не заметил, как молодой ополченец в углу двора растворился в тени и бесследно исчез.

...Юй Юнльян стремительно пересекал город.

Когда он вернулся в усадьбу в лощине, в его руках были пучки целебных трав, курица и склянка свежей мази.

Оставив всё это в переднем дворе, он запер ворота и поспешил к самой солнечной и уютной комнате. Осторожно толкнув дверь, он вошёл внутрь.

Ци Цзю услышал шаги:

— Ну как там?

— Всё ещё ищут, — Юй Юнльян бережно помог ему приподняться. — Это надолго.

Ци Цзю откинулся на подушки, протянул руку и снял прилипший к волосам юноши листок. Его пальцы ощутили влагу росы.

Юй Юнльян только сейчас заметил, в каком он виде, и смущённо одернул рукав:

— Я... пойду омоюсь.

— Я с тобой, — сказал Ци Цзю. — Нам обоим не мешало бы смыть грязь.

После ночных скитаний Ци Цзю так и не удалось окончательно прийти в себя.

Юй Юнльян, видя, что тот едва держится, не стал его беспокоить расспросами. Он молча и споро взялся за дело.

Шаг за шагом он привычно укутывал Ци Цзю в плащ, переносил его, поддерживая и оберегая. Все эти действия он выполнял с пугающей отточенностью, словно годами только этим и занимался.

Уложив Ци Цзю на постель, Юй Юньлян почувствовал, что и его силы на исходе. Сжав ладонь принца, он приклонил голову к краю ложа и мгновенно провалился в беспросветный сон.

На следующее утро, под яркими лучами солнца и звонкое щебетание птиц, они проснулись почти одновременно. Согласно распоряжению «маленького евнуха Юя», Ци Цзю полагалось оставаться в постели, пока сам Юй Юньлян отправится в город разузнать последние новости.

Лишь теперь в их жизни наступило относительное затишье.

...Было бы сущим кощунством не воспользоваться горячими источниками и не отдохнуть как следует, пока Цзян Шунь рвёт на себе волосы в столице.

Юй Юньлян помедлил, но всё же кивнул:

— Хорошо.

Родник и вправду оказался целебным — об этом Ци Цзю ещё ночью узнал от Системы. Возле самого истока росли редчайшие травы, чьи соки день и ночь смешивались с водой, придавая ей особые свойства. Она исцеляла раны и выводила яды.

— Только Ваше Высочество сейчас слабы, вам нельзя переохлаждаться. Нужно быть крайне осторожными.

Юй Юньлян оперся о край кровати и поднялся:

— Я принесу одежду.

Ци Цзю усмехнулся:

— Опять Цзян Шуня?

Юй Юньлян едва заметно улыбнулся и покачал головой:

— Вовсе нет.

Он ни за что не позволил бы Ци Цзю надеть вещи евнуха-негодяя, будь они хоть трижды новыми. Эту одежду он купил на свои собственные деньги — честно заработанные, не запятнанные ничем постыдным.

Он сходил к карете, достал обновки для Ци Цзю, прихватил сладкий отвар и пилюли, разложив всё это у края бассейна.

Ци Цзю, немного окрепший после сна, приподнялся с его помощью:

— Маленький евнух, ты содержишь меня поистине по-царски.

Юй Юньлян крепко обхватил его. Он как раз раздумывал, не смастерить ли какую-нибудь тележку, чтобы возить Ци Цзю, и при этих словах вскинул голову. Его чёрные глаза впелись в лицо принца:

— Вы называете это «по-царски»?

— Разумеется, — принялся подсчитывать Ци Цзю. — Я выкупил тебя всего за шесть монет.

Шесть медяков, две плошки сладкого супа — и взамен он получил лекарства, карету, поместье и одежду. Сделка оказалась неправдоподобно выгодной.

Юй Юньлян понимал, что тот шутит. В его глазах промелькнула искра смеха, но он промолчал, продолжая вести Ци Цзю к источнику.

— Это я в выигрыше, — негромко произнёс Юй Юньлян, когда они отошли подальше. — Ваше Высочество в убытке.

Ци Цзю мысленно пересчитал всё вместе с Системой — дебет с кредитом сошлись:

— Я в убытке?

Юй Юньлян ответил убеждённо:

— В огромном.

Спасая такого, как он, Ци Цзю терял непомерно много.

Он помог Ци Цзю спуститься в тёплую воду и замер рядом, тревожно вглядываясь в его лицо.

Вода была целебной, но раны всё равно щипало. Ци Цзю вчера, отталкивая его от взрыва, не пожалел сил, и старая рана на рёбрах снова открылась. Сквозь повязку проступила свежая кровь.

Юй Юньлян опустил на колени прямо в воду, распахнул нижнюю рубаху Ци Цзю и осторожно коснулся ладонью пропитанных кровью бинтов:

— Больно?

— Ничего не чувствую, — Ци Цзю прикрыл глаза, наслаждаясь теплом. — Ладно тебе, не суетись... Отдохни немного.

Место было выбрано удачно: неглубокая каменная площадка, где можно было полулежать, подставив лицо ласковому солнцу. Ци Цзю потянул Юй Юньляна за собой:

— Ну как, нравится?

Юй Юньлян не знал, что такое «нравится». Он свернулся калачиком рядом с Ци Цзю, не сводя взгляда с его раны.

— Скажите... — вдруг тихо спросил он. — Вы всё ещё... не хотите жить?

Ци Цзю на мгновение опешил, вспомнив свои прежние оправдания по поводу кинжала. Он подложил руку под голову и повернулся к юноше.

Юй Юньлян снял верхнюю одежду. Рукава его исподнего намokли и всплыли, обнажая на правом предплечье огромный синяк от тетивы — след его безумной стрельбы.

Ци Цзю тогда успел смазать ушиб мазью, но Юй Юньлян совершенно не берёт себя: он раз за разом нагружал эту руку, заставляя боль вгрызаться глубже. Теперь синяк налился багровой чернотой, а рука отекала так, что на неё больно было смотреть.

На шее всё ещё виднелись следы пальцев убийцы. Юй Юньлян и на них не обращал внимания, лишь хрипло шептал, уговаривая Ци Цзю принять лекарство.

Ци Цзю поманил его к себе, и юноша послушно подплыл ближе.

— Обо мне забудь, — Ци Цзю коснулся опухшего предплечья. — Сильно болит?

Юй Юньлян заметно вздрогнул, но лицо его осталось неподвижным. Он лишь упрямо покачал головой.

Ци Цзю взял мазь, растёр её в ладонях, согревая теплом источника, и начал осторожно втирать в шею юноши.

Юный евнух покорно закинул голову, стоя на коленях в воде и доверчиво подставляя горло его рукам.

Словно жертва, добровольно идущая под нож.

Ци Цзю тщательно обработал следы на шее, а остатки мази перенёс на распухшую руку, втирая в тёмную гематому.

Должно быть, боль была нестерпимой — Юй Юньлян то и дело содрогался под его пальцами.

— Терпи, — велел Ци Цзю. — Нужно, чтобы мазь впиталась.

Юй Юньлян молчал. Его длинные ресницы дрожали. Он инстинктивно хотел закусить руку, но не дотянулся и впился зубами в собственную губу.

Ци Цзю остановил его. Сложив в несколько слоёв чистую марлю, он вложил её юноше в рот:

— Ах ты, волчонок.

Юй Юньлян никогда не слышал такого прозвища. Он замер с марлей во рту, недоуменно моргая:

— ...Что?

— Ничего, — Ци Цзю погладил его по голове. — Жаль, что я не пришёл раньше.

Он произнёс это мягко и спокойно, без тени пафоса.

Однако Юй Юньлян внезапно вздрогнул всем телом. Краска мгновенно сошла с его лица — даже жгучая боль от мази не вызывала такой реакции, как эти простые слова.

Он закусил марлю, его била крупная дрожь. Хрипло дыша, он сжался в комок, а в глазах поплыл густой чёрный туман. Силы оставили его, и он начал медленно соскальзывать под воду.

Ци Цзю подхватил его, прижал к себе и принялся мерно, успокаивающе похлопывать по спине.

— Слишком поздно, — едва слышно пробормотал Юй Юньлян. — Простите... я не доучился.

Его взгляд был пустым, прикованным к водной глади:

— Я всё выучил неправильно. Мне не следовало их слушать. Простите, я...

— Всё можно исправить, — негромко увещевал его Ци Цзю. — О чём ты говоришь? Не слушай этот бред Цзян Шуня.

Ци Цзю обхватил его крепче и заглянул в глаза:

— Ты ему веришь? Да он из-за твоих краж скоро будет в одних подштанниках по улицам разгуливать.

Юй Юньлян, мертвенно-бледный, медленно перевёл взгляд на Ци Цзю. Уголки его губ дрогнули в вымученной, болезненной улыбке.

Ци Цзю понимал, как ему тяжело. Он прикрыл ладонью дрожащие веки юноши.

Цзян Шунь растил из этих детей кровожадных убийц, послушные инструменты. Он день за днём вдавливал им в головы: «Ты — всего лишь клинок. Не смей даже мечтать о том, чтобы снова стать человеком»

Юй Юньлян поверил. И он начал искать способы стать самым острым, самым совершенным мечом.

Но этот путь вёл в никуда.

В прошлой жизни он убил всех, кто стоял у него на пути, он взобрался на самую вершину власти, сделав императора своей марионеткой. Он добился всего, но так и не обрёл покоя. Ему было невыносимо плохо.

По ночам он в ужасе вскакивал от кошмаров. Могущественный «директор-распорядитель Юй» ничем не отличался от того перепуганного ребёнка, что когда-то сжимался в углу.

Когда он наконец осознал это, он перестал спать. Ночами он бродил по столице, пытаясь понять, где же он совершил ошибку.

Должно быть, он свернул не туда в самом начале.

Ошибка была роковой, непоправимой.

В тот вечер, когда он упал в воду и расстался с жизнью, Юй Юньлян на самом деле просто стоял под ивой, погружённый в свои думы... И вдруг ему почудилось, будто чья-то невидимая, мягкая рука коснулась его головы и плеч.

Это прикосновение заставило его вздрогнуть. В его давно опустевшей груди что-то испуганно

встрепенулось, оглядываясь по сторонам.

Но рядом не было никого — лишь ветви ивы, раскачиваемые ветром.

В ту ночь... Юй Юньлян вдруг перестал хотеть жить.

Ци Цзю зачерпнул пригоршню воды и вылил на его холодную, напряжённую спину. Снова погладил по голове и шее:

— Ну а теперь?

Юй Юньлян не нашёл слов. Он лишь медленно качнул головой и, собрав остатки сил, потянулся к промокшим бинтам на теле Ци Цзю.

Его движения были предельно осторожными. Сначала он тщательно отмыл руки, затем, подражая Ци Цзю, растёр мазь в ладонях, согревая её тёплой водой источника.

Убедившись, что его руки безупречно чисты, он бережно нанёс лекарство на рану.

Эта мазь должна была остановить кровь и заживить порезы.

Пар от воды сдавливал горло и щипал глаза, зрение то и дело застилала пелена.

— Ваше Высочество... — хрипло проговорил он. — Вам нужен достойный человек рядом.

Нанеся мазь, он поспешно отвёл руки. Чем добрее был к нему Ци Цзю, тем яснее становилась эта мысль.

Яснее некуда.

Ци Цзю должен носить чистейшие одежды, ездить в лучших каретах и делить жизнь с безупречным, благородным мужем.

Ци Цзю кивнул, словно всё понял:

— Значит, маленький евнух станет для меня благородным мужем.

Юй Юньлян замер. Его чёрные глаза на мертвенно-бледном лице медленно шевельнулись:

— ...Что?

Он не это имел в виду. Как он мог?

Ци Цзю полагался кто-то светлый, чистый — истинный «цзюньцзы»

Сам Юй Юньлян готов был всю жизнь следовать за ним тенью, оберегать и служить.

Он опустил ресницы. Эта мысль причиняла ему почти физическую боль, словно сердце раздирали в клочья, но он с каким-то мазохистским упорством продолжал рисовать в воображении образ этого «идеального господина», чистого, как ясный месяц.

Эта пытка длилась долго, пока Ци Цзю не коснулся его спины, заставляя очнуться.

Ци Цзю привык делать всё быстро. Пока Юй Юньлян заворожённо смотрел на воду, он успел не только обмыться, но и разобраться со всеми этими баночками и притирками.

...Прежде чем юноша пришёл в себя, Ци Цзю уже выпил отвар, принял пилюли и даже успел немного отмыть самого Юй Юньляна.

Над водой поднимался золотистый туман, подсвеченный солнцем. Ци Цзю лениво развалился у края бассейна, закинув голову и прикрыв глаза. Выглядел он совершенно умиротворённым.

Но Юй Юньляна было не обмануть. Он помнил то прикосновение к своей спине — это не был призыв.

Рука Ци Цзю просто соскользнула от изнеможения. Он коснулся его случайно, теряя сознание от слабости.

Юй Юньлян подплыл ближе и обнял его:

— Ваше Высочество.

Ци Цзю приоткрыл один глаз, выглядя смертельно усталым:

— ...М-м?

Юй Юньлян не поверил, что это просто сонливость. Он придвинулся вплотную, прижимаясь щекой к его шее.

Пульс Ци Цзю был нитевидным, он едва справлялся с нагрузкой. Сердце колотилось слишком часто, дыхание было прерывистым — он снова, словно беспечный барин, растратил все силы без остатка.

— Ваше Высочество, — у Юй Юньляна заняло в груди от беспокойства. — Что вы опять натворили?

Поняв, что тот едва дышит от усталости, он проклял себя за то, что так долго витал в облаках.

Как он мог отвлечься? Ведь за этим человеком нужен глаз да глаз каждую секунду!

Юй Юньлян в досаде прикусил губу. Он положил ладонь на грудь Ци Цзю, тщательно вымеряя давление.

С какой-то интуитивной точностью он начал мерно нажимать на грудную клетку, помогая дыханию Ци Цзю выровняться:

— Зачем вы так изнуряете себя?

Они пришли сюда лечиться, а не устраивать заплывы на выносливость.

Как можно было так выбиться из сил? Неужели он решил попрактиковаться в боевых искусствах прямо под водой?

Ци Цзю усмехнулся. Он расслабленно опирался на руки Юй Юньляна, явно пытаясь уйти от ответа. Зевнув, он отвернулся:

— Всё в порядке.

Он коснулся волос юноши. Ощущение чистоты ему понравилось, и он слегка потянул за прядь:

— Отнеси меня в дом. Хочу спать.

Юй Юньляну ничего не оставалось, как повиноваться. Он помог Ци Цзю опереться о край бассейна, а сам выбрался наружу за сухими простынями и мехом.

Весь мокрый, он быстро растёрся, накинул одежду и поспешил обратно. Но, взглянув на воду, внезапно замер.

...Он увидел своё отражение.

Ци Цзю, полулежа в воде, водил рукой по его тени на поверхности.

Было ясно, что у него нет сил даже пошевелиться, но вид он имел на редкость довольный. Услышав шаги, он открыл глаза и поманил юношу к себе.

Ци Цзю отмыл его до блеска... Он даже распустил свои волосы и, воспользовавшись случаем, заново уложил причёску Юй Юньляна. Вместо заколки он вставил в его волосы тонкую ивовую ветку с нежными почками.

Ци Цзю придал ему вид опрятный и благородный... Словно перед ним был не евнух, а обычный юноша из приличной семьи.

Такой юноша днём упражняется с мечом, а ночью читает книги при луне. Он учится стрелять из лука и править конем, готовясь стать достойным мужем.

Он всем сердцем стремится стать тем самым «благородным».

— ...Разве не так? — Ци Цзю медленно открыл глаза, в которых светилось искреннее удивление. — «Чистый, как ясный месяц, благородный духом»... Что ж, тебе многому придётся научиться.

Ноги Юй Юньляна подогнулись. Он упал на колени, дрожащими руками обнимая Ци Цзю за плечи.

Его сотрясала дрожь. Он вцепился в плечи принца, и крупные слёзы градом покатались из его глаз. Он не мог остановиться.

Ци Цзю собрал последние крупинцы сил и принялся вытирать его слёзы.

— С сегодняшнего дня ты будешь учиться у меня, — тон Ци Цзю стал строгим. — Будешь?

Юй Юньлян не смел сказать «нет».

Когда Ци Цзю спросил в третий раз, он уже не мог молчать.

Ци Цзю спрашивал снова и снова — голос его становился всё слабее, дыхание — тяжелее. Было видно, что он едва сдерживает приступ кашля и вкус крови во рту. И всё же он продолжал спрашивать — настойчиво и терпеливо.

Юй Юньлян судорожно вздохнул. Срываясь на плач, он прохрипел:

— Буду...

Ци Цзю спросил:

— Чему ты будешь учиться?

— Учиться... быть благородным мужем, — Юй Юньлян разрыдался, окончательно теряя над собой контроль. — Я буду учиться...

Та невыносимая, сокрушительная боль снова навалилась на него, не считаясь ни с чем...

...Но на этот раз всё было иначе. Совсем не так, как раньше. Её нельзя было заглушить физическим страданием.

Эта боль пускала корни в его груди.

Она заставляла его извлечь сердце из пустоты. Ему нужно было сначала обрести это сердце, чтобы затем принести его и положить к ногам Ци Цзю.

...

Мягкая рука погладила его по голове и спине. На этот раз это были не ветки ивы, качаемые ветром.

Он помог Ци Цзю выбраться из воды. Тот тяжело опирался на него.

Тёплые после источника ладони обхватили его, Ци Цзю бережно стёр последние слёзы с его лица.

— Хороший мой, — тихо произнёс Ци Цзю. — Не плачь больше.

— Пойдём в дом, — добавил он. — Мы вернулись домой.

<http://bllate.org/book/16113/1591722>